

Тимофей Соловьев

Студенты Сингулярности

Тимофей Соловьев
Студенты Сингулярности

«Автор»

2024

Соловьев Т.

Студенты Сингулярности / Т. Соловьев — «Автор», 2024

Жизнь студента не бывает скучной. Она наполнена вечеринками, романами и приключениями. Главное — не забывать в промежутках учиться. Поступая в Академию Сингулярности, юный Томас с друзьями хорошо представляли, как пройдут их годы в её стенах. Но мало кто из них задумывался: кем они хотят покинуть её пределы. И вот, когда дипломы маячат на горизонте, им всем предстоит сделать непростой шаг во взрослую жизнь, где праздные мечтания сменяются твёрдыми амбициями, мимолётные романы — настоящей любовью, а весёлые приключения — потенциальными катастрофами.

© Соловьев Т., 2024

© Автор, 2024

Тимофей Соловьев

Студенты Сингулярности

– Ыхр блрр фхтааа...

– Понимаю, но уже половина десятого, и сегодня день рождения Амелии. Самое время подниматься с кровати.

Утреннее солнце предательски заполняло своими лучами крохотную комнату. Помощью ему служило самый большое тело, что было вокруг – окно. Не закрытое в этот день облаками, оно предоставляло вид на паутину дорог, домов и фабрик далеко внизу, пока на горизонте тихо маячили горы своим ледяным спокойствием.

И сколь просторным был вид из окна, столь куцым было и пространство в его пределах. Двухъярусная кровать стояла настолько близко к одному из письменных столов, что места хватало ровно на то, чтобы сесть за него. Вся его поверхность была беспорядочно покрыта линейками, бумагами и измерительными приборами. Второй стол стоял непосредственно у окна и тоже был погребён под инструментами. Единственными островками порядка на поверхности столов были маленький чайник и кристалл, испускающий оранжевое свечение. Последним, на что ещё оставалось место в комнате – был покосившийся шкаф, сразу за которым начиналась дверь.

Но нельзя было забывать и про последние тела в комнате: двух молодых людей. Один валялся на верхнем ярусе кровати, раскинув руки, насколько позволяло пространство. Он свесил ногу, дал ей немного поболтаться, после чего вытолкнул остальное тело. Раздался глухой удар. За ним последовало несколько нелицеприятных слов вперемешку с ворчанием.

Второй молодой человек внимательно осматривал валяющиеся на полу предметы гардероба. Он поднял один относительно чистый и стал крутить перед собой, пытаясь определить часть тела, для которой он предназначен.

– Это твоя рубашка или моя? – спросил он, игнорируя продолжительные стоны соседа.

– Какого она цвета?

– Синяя... я полагаю.

– Тогда твоя. Мои все – серые.

– Тебе бы гардероб разнообразить.

– В любом случае, я не иду.

– Что?! – Рубашка выпала из рук молодого человека. – Ты спятил? У неё юбилей. Двадцать лет. Как можно пропустить такую важную дату?

– Мне завтра доклад сдавать, Ал.

– Тот, что ты должен был писать весь семестр?

– Да.

– И много уже готово?

– Ну... я написал введение.

– Так это же, считай, полдела сделано. Успеешь дописать до вечеринки.

– Мне нужны ещё исследования. – Молодой человек наконец поднялся с пола, только чтобы сесть на кровать. – Я весь день проведу в библиотеке.

– Это всего лишь доклад. Какой смысл так горбатиться?

– Я не хочу, чтобы Барлоу опять выносил мне мозги.

– Это же Барлоу, он в любом случае вынесет тебе мозги.

– Хотя бы дам ему меньше поводов. В любом случае тема повторяет мой диплом. Рано или поздно пришлось бы заниматься этим исследованием.

– Печально, – молодой человек по имени Ал покачал головой. – Весь курс отмечать будет.

– Что, в их с Лейлой комнате? Она, конечно, на порядок больше нашего чулана, но на всех там места не хватит.

– Забыл, что ли, как моё двадцатилетие отмечали? Просто будем праздновать по всему этажу.

– Твоё я изначально не шибко помню. Тогда я уже после десяти минут был порядком навеселе.

– И неужели, ты не хочешь повторить такой чудный опыт?

– Ты говорил: я пытался из окна выпрыгнуть.

– Да это всё равно невозможно, окна академии прочнее бронеплиты.

– Ты говорил: я использовал сингулярный резак и уже проделал дыру.

– Предположительно, лично сам я этого не видел?

– И почему?

– Потому, что сам был в стельку.

– Иди уже. Обещаю: если управлюсь быстро, то тоже приду.

– Ну вот, другое дело. Трудись и не будь, как солдат в рекомбинаторе.

– Ну только это не начинай. Ты даже не знаешь смысла этой фразы. И Барлоу никогда не расскажет нам, что это за анекдот такой.

– В том и обаяние, друг мой. Тайна делает выражение ещё более притягательным. Если однажды я узнаю оригинал, оно утратит свою силу.

Молодой человек навесил на себя галстук в сине-жёлтую полоску и отправился к шкафу, из которого достал коробку в разноцветной обёртке, попутно заталкивая обратно вываливающиеся вещи. Направившись к двери, он развернулся и улыбнулся соседу.

– Ну, Томми, я пошёл. Надеюсь, увидать тебя на вечеринке до того, как напьюсь.

– Да иди ты уже.

Избавившись от главной помехи, Томми наконец мог как следует потянуться и подыскать себе одежду из тех, что свисали с кровати. Он подошёл к столу у окна и заглянул в чайник. Убедившись, что внутри есть вода и, что важнее, это именно вода, он нажал на кнопку в ручке. Чайник стал испускать оранжевое свечение. Томми заварил себе чашку кофе и прихватил со второго стола холодную сосиску.

Закончив с богатым студенческим завтраком, молодой человек отправился к столу у окна. Он бросил взгляд на кристалл, а затем выдвинул верхний ящик, в котором кипа бумаг оканчивалась титульным листом. Надпись на листе гласила: «Теоретическое исследование природы энергии сингулярности, Томас Поплин, курс 4, группа L-3.» Томас вздохнул и засунул кипу бумаг в сумку на спинке стула.

По широкому, хорошо освещённому коридору прохаживались редкие для столь раннего часа юноши, к которым присоединился и Томас. Он подошёл к батарее лифтов и нажал одну из кнопок вызова. Через несколько мгновений лифт раскрыл свои двери с другим, ключющим носом, молодым человеком внутри. Томас вошёл и взглянул на панель этажей. Кнопка с номером пятьдесят-три уже моргала. Створки закрылись, и лифт отправился вниз.

– Тоже библиотека? – спросил Томас своего случайного попутчика.

– Да, – устало ответил студент.

– Какой курс?

– Второй.

– И вам уже нужна верхняя библиотека? – Томас присвистнул. – Я до третьего курса о ней даже не знал.

– У нас экзамен по формированию кристаллов. Говорят, в нижней библиотеке нет книг Хоэла, а он не признает никаких других пособий кроме собственных.

– А-а, старый добрый пенёк. – Томас понимающе улыбнулся. – Но, просто чтоб ты знал, он не слушает, что ему отвечают на экзамене.

– Это в каком смысле? – второкурсник сразу оживился.

– Уж чем он занимает мысли никто не знает, но единственное, что для него важно – это твоя манера речи. Будешь говорить медленно и неуверенно – решит, что ничего не знаешь. Будешь тараторить – решит, что списал. А если говорить спокойно и уверенно – можешь хоть бульварные романы ему пересказывать. Буквально. Мы с другом поспорили, что он не зачитает на экзамене абзац из «Кристаллов Страсти», так Хоэл даже не заметил.

– И всё? Так просто?

– Ну, не совсем. В конце он обязательно тебе задаст вопрос по предмету и ответ на него уже будет слушать. Но вопросы всегда из раздела задач его книги. Вызубри их – и экзамен у тебя в кармане.

– Спасибо, – голос второкурсника заметно прибавил бодрости. – Ты курса с пятого или шестого, небось?

– Нет, четвёртый.

– Бакалаврский? И кто твой куратор?

Зубы Томаса сжались сами-собой.

– Барлоу.

– Этот псих?! – эхо второкурсника разнеслось по лифтовой шахте.

– Он самый.

– Он у нас вёл курс в прошлом семестре. Я даже не понял: о чём был курс. Восемьдесят часов и ни капли информации. Как-то раз он в просто встал у стола одного парня и на протяжении всего урока повторял фразу «в сингулярном проектировании важно помнить одно», тряся перед ним средним пальцем. Он даже не сказал, что это одно было! Вот чёрт. И тебе надо у него научное исследование проводить?

– Да.

– А разве вы не выбираете себе кураторов сами?

– По идее. Я просил Погли, но Барлоу сказал, что мне нужен кто-то поостроже и вписал себя.

Чем больше Томас вспоминал тот судьбоносный день, тем глубже его разум погружался в пучину отчаяния. Но лифт вырвал его из тёмных уголков души своим жизнерадостным звонком. Перед студентами открылся огромный зал библиотеки. Белые колонны поддерживали высоту в три этажа. По стенам растянулись бесчисленные книжные полки с мобильными лестницами и целыми балконами для верхних отделов. Посередине располагались рядами сотня крепких письменных столов, за некоторыми из которых даже сидели студенты. Для воскресного утра, это можно было считать аншлагом, хотя Томас видал и более загруженные выходные, в основном за день до экзамена.

– Не подскажешь, где тут найти книгу Хоэла? – спросил второкурсник, окидывая взглядом бескрайний простор знаний.

– Пойдём, – Томас махнул рукой к дальней стене, – мне туда же.

Держа свой путь промеж столов, они не успели пройти и половины библиотеки, как их окликнул знакомый обоим голос.

– Поплин! Куда это ты направляешься, мой мальчик?

Томас замер. Он чувствовал, как по его шее стекает капля пота. Хуже сценария он и представить не мог.

– Здравствуйте, профессор. – Ответил он так спокойно, как мог себе позволить. – Вот идём в геологическую секцию.

Перед ним стоял средних, если не преклонных, лет мужчина с круглым лицом, торчащими ушами и тремя прядями волос, безуспешно пытающимися скрыть лысину. На нём были роговые очки, мода на которые была старше обладателя, а за линзами два быстрых глаза перекакивали с одного юноши на другого.

– Идёте, значит? А кто, позволю поинтересоваться, твой друг?

– Это... – Томас остановился, понимая, что ни разу не спросил имени второкурсника, – не знаю, мы только познакомились в лифте.

– Я с-студент второго курса Мирс, профессор, – вступил в разговор молодой человек. – Вы у нас вели основы сингулярного проектирования прошлой осенью.

– Неужели? – Сложно было сказать, чему удивился профессор: тому, что преподавал Мирсу, или тому, что вообще вёл какую-то лекцию. – Что-то я вас не припоминаю, молодой человек. А ну как вы лекции мои прогуливали?

– Нет-нет, профессор, я был на каждой из них. Вы тогда сказали, что у меня лучшая посещаемость среди всего курса.

– Говорил? Как-то не похоже, чтобы я подобное забыл.

Пускай это и был идеальный шанс для Томаса ускользнуть, он знал, что оставлять бедного подопечного на произвол этого гибрида акулы и черепахи будет моральным преступлением. Мужественно он решил вызвать огонь на себя.

– Вообще-то, – перебил Томас, – звучит как раз в вашем духе.

Мужчина медленно повернул голову и взглянул на Томаса глазами полными не столько гнева, сколько разочарования.

– Какой же ты всё-таки бестактный, Поплин. Возможно, я и подзабыл. Но зачем же так акцентировать на этом внимание?

– Да, конечно, я приношу свои извинения, профессор. Просто, мы хотели бы поскорее вернуться к нашей учёбе.

– Знаю я к чему ты хочешь вернуться, Поплин. Большой праздник в честь дня рождения мисс Мэй на шестьдесят втором этаже? Ты прямо как солдат в рекомбинаторе.

– Да, вы говорили это раньше.

– А ты хоть знаешь, что это значит? Я тебе рассказывал этот анекдот?

– Нет, не рассказывали. Может сейчас поведаете?

– Ну нет, Поплин. Рассказывать такие шутки вам молодым будет неприлично с моей стороны. Ну так и к какой именно учёбе ты хочешь вернуться? Может так статься, что ты весь семестр филонил с завтрашним докладом и решил сделать всё накануне?

Именно такие внезапные вспышки интуиции и нервировали всех студентов в этом профессоре, даже при его безобидном виде. И никого они так не нервировали, как Томаса.

– Нет, – спокойно ответил студент, изящно огибая истину, – мне нужно провести сбор дополнительной информации для моего диплома.

– Кстати да, как поживает твой диплом? Что-то я давно его не видел. Ты над ним вообще работаешь?

– Я вам позавчера его показывал.

– Да... но я имею в виду, что там не много подвижек.

– Там было две новые главы с полным решением теоремы Лемарка по моей волновой концепции. Вы сказали, что это значительный шаг к настоящей научной теории.

– Да... но я имел в виду, что тебе нужно лучше продвигаться с презентацией. До защиты осталось всего два месяца.

Томас прекрасно знал, что данный диалог будет длиться ровно столько, чтобы он оказался неправ. Никому не было под силу перебить демагогию этого человека.

– И именно для этого мне и нужно заняться сбором информации, профессор.

– А, – профессор кивнул с видом, имитирующим понимание, – ну тогда идите, учитесь. И, Мирс, не советую общаться с этим лентяем Поплином. Он тебя только плохому научит.

Студенты вместе развернулись и зашагали прочь так быстро, как только можно было без вызова подозрений. Отойдя достаточно далеко, Томас на всякий случай бросил взгляд через плечо. На его счастье, профессор направился в другую секцию.

– Фух, – второкурсник выдохнул, будто они только что спаслись от саблезубого тигра, – Барлоу со всеми такой, или только с тобой?

– Есть некоторые, которым достаётся почти так же, но мне кажется, я – особенный, – пробормотал Томас. – Главное – что мы смогли уйти. Наверное, ему и правда что-то было нужно в том разделе. Обычно оторваться от него нереально.

– А что там за секция?

– Трансфузия. Странно, там все книги древнее динозавров. В этой области вообще серьёзных исследований не проводили уже лет двадцать. Мы эти книги используем, максимум – как ссылочный материал. Ладно, бог с ним, у нас своих дел хватит. Вдруг он ещё вернётся.

Они вновь отправились по извилистой тропе к дальней стене, на которой красовалась табличка «Высшая геология кристаллов.»

– Думаю твоя книга там, – Томас указал к самому балкону, – вторая полка сверху, посередине. У неё ярко-оранжевый корешок. Не ошибёшься.

Пока второкурсник лез наверх, Томас одной рукой придерживал трясущуюся лестницу, а второй – вытаскивал книги с полки поблизости. Когда Мирс спустился и отправился за один из столов, пришла пора самому Томасу отправиться за высшими знаниями. Пока он тянулся к очередной книге, стараясь не дать лестнице откатиться, его окликнул сзади мягкий голос.

– Привет, Томми.

Он повернул голову, стараясь не менять центра тяжести тела, и его встретила улыбкой светловолосая девушка в бледно-жёлтом кардигане. Лишь дружелюбие этого взгляда не позволило Томасу устать от него за почти двадцать лет знакомства.

– Керри, – произнёс он, продолжая балансировать, – не ожидал тебя тут увидеть. Ты почему не на вечеринке Амелии?

– Над дипломом работаю. Проект оказался великоват, даже профессор Рид удивлена.

– Настолько большой, что ты наконец сможешь рассказать нам о чём он? Весь семестр держала его в секрете.

«Ну...» – Керри отвела взгляд. С самого их детства Томас лицемерил эту манеру, когда Керри спрашивали про то, в чём она боялась признаться. «Я просто всё ещё не уверена в нём.»

– Как будто хоть кто-то из нас в своём уверен. Бакалаврский диплом – это чистая академическая фикция. На четвёртом курсе научные открытия не делаются, нам просто нужно получить задел для дальнейшей учёбы.

– Да нет, – Керри опустила глаза к кипе бумаг, что несла в руках, – я больше опасаюсь, что он окажется правдой.

– Если окажется, то ты будешь в одном шаге от степени магистра. – Томас наконец спустился со смертельной ловушки, чтобы проявить всё непонимание. – Тебе надо меньше переживать о будущем.

– Ха-ха, и это говорит главный пессимист всей академии, – на лицо Керри наконец вернулась улыбка.

Глядя на этот лучик радости, Томас едва мог не заразиться хоть капелькой позитивного настроения.

– Я просто реалист, – ответил он, ухмыляясь. – Ты тут надолго? Мне хватит нескольких часов. Может всё-таки навестим Амелию?

– Может быть... – Керри задумалась. – А Альберт там будет?

– Будет? Он отправился туда ещё до того, как я с постели встал.

– Ну возможно и стоит пойти развеяться, – пробормотала Керри, покрываясь румянцем.

Доставив две горы книг к столу, они вместе погрузились в шелест бумаги и скрип перьев. Часы замедлялись по ходу работы. Кто-нибудь брал книгу, пролистывал до нужной страницы, читал несколько минут, перелистывал обратно, перечитывал и наконец начинал писать. Порой

кто-нибудь брал книгу, пролистывал до нужной страницы, смотрел на неё несколько минут, после чего переключал в горку другого. И так раз за разом, повторяя злосчастный цикл.

Атмосфера библиотеки как никакая другая способна была дарить умиротворение студентам. Тем более верхняя библиотека, содержащая лишь самые глубокие знания по предметам. Обычно её использовали только старшекурсники, а к старшим курсам любой уважающий себя студент умел не полагаться на книги. В отсутствии грядущих сессий, во всем этом зале можно было встретить лишь пару дюжин человек.

Но гораздо важнее тишины здесь было освещение. Большая часть академии освещалась холодным белым сиянием обычных сингулярных ламп. Но верхняя библиотека имела особое значение. Здесь была собрана величайшая коллекция научных изысканий по энергии сингулярности, а потому свет здесь изливался пополам с теплом от огромного кристалла алмазной формы, подвешенного на цепях к потолку. Тепло особенно радовало студентов осенними вечерами, когда дирекция академии «забывала» включить отопление. Такими вечерами потоки молодых людей и девушек стекались в библиотеку к недовольству преподавателей, которое было понятно, ведь в их юность пределом комфорта была дровяная печь. И конечно же громче всех недовольство выказывал Барлоу, который любил шутить, что настоящий учёный должен иметь холодную голову. Ходили слухи, что этот кристалл был первым источником сингулярности, обнаруженным основателями академии.

Нежась под лучами Большого Синга – как прозвали кристалл ученики – Томас продолжал впитывать знания. Он прекрасно понимал, что бакалаврский диплом – не более чем формальность, а его концепция и того была производной очень короткого мозгового штурма. Но, как ни странно, чем больше он проводил расчётов, тем логичнее становилась идея. Окажись эта шутка реальностью – она могла положить начало не то, что для магистра, а даже для докторской. С другой же стороны, первое же не сошедшееся уравнение поставило бы крест на всём исследовании. Как правило, ожидания Томаса от будущего работали именно в таком ключе. И что делало ситуацию Томаса хуже – был Барлоу, который чаще отправлял Томаса ходить кругами по абсолютно бессмысленным тупикам, чем направлял его к разрешению научной теории.

Томас часто завидовал своим друзьям в аспекте кураторов. Керри работала с Профессором Рид, которую студенты прозвали «наседка» за её неустанное квохтанье над своими подопечными. У Альберта был Профессор Погли, пускай и не самый весёлый член преподавательского состава, но его знания собственной области для столь молодого возраста не могли не вызывать уважения. Амелии достался Профессор Бланш – одна из самых вдумчивых и солидных фигур в науке сингулярности, хоть и малость заносчивая. Все одноклассники Томаса получили уважаемых людей в кураторы. Ему же достался кто-то кому место было скорее в психушке. Не имеющий полноценной докторской степени, он проводил свои дни в прогулках по коридорам и третировании студентов за то, что они, о ужас, были живыми людьми. Некоторые считали, что совет профессоров держит Барлоу, либо в качестве шута, либо в качестве бойцовского пса. В одном все студенты были согласны: Барлоу не обладал никакими знаниями в области сингулярности.

Несколько часов скрипения перьев и шелеста листов кануло в лету. Томас отлип от бумаг, поднял голову, протёр глаза и растянул затёкшие конечности.

– Ух, я закончил. А у тебя как дела?

– Почти готово, – пробубнила Керри, не отрываясь от книжки. – Ещё несколько минут.

Решив не тратить время попусту, Томас отправился убирать литературу по полкам, сгибаясь под весом своей стопки. К моменту, когда он вернулся к столу, Керри тоже закончила и с удивлением обнаружила, что их рабочее пространство было уже чистым. Забрав сумки, они отправились к лифту. На середине пути они заметили Барлоу, но, благо, безумный профессор был слишком занят: он разглядывал большой кристалл у потолка и что-то беззвучно бормотал себе под нос.

– Посмотри, – шепнул Томас, – что это он делает?

– Ты его подопечный, тебе виднее, – ответила таким же шёпотом Керри.

– У него в руках симометр, он что пытается измерить выходной потенциал Большого Синга? Зачем это может кому-то понадобиться?

– Может какая-нибудь административная задача от декана? Говорят, Барлоу с ним часто видят.

– И у него целая кipa книг. Ну-ка подожди.

С этими словами Томас направился украдкой к Барлоу. Любопытство пересиливало риски, но, как оказалось, профессор был так погружён в себя, что не обратил на своего ученика ни малейшего внимания. Томас потихоньку вернулся к Керри, и они вновь отправились на выход.

– У него какие-то очень старые книги, – голос Томаса постепенно стал возвращаться к нормальной громкости, по мере удаления от опасности. – Я даже видел экземпляр «Универсальной энергии оранжевых кристаллов».

– Серьёзно?! – голова Керри развернулась мгновенно от шока.

– Да. Это же вроде бы одна из самых старых работ по энергии сингулярности?

– Не просто одна из самых старых. Это и есть самая старая. Первое на свете исследование кристаллов. Эта книга положила фундамент всему, что представляет из себя академия. И это не может быть библиотечной книгой. Настоящих копий на свете единицы, и они все в руках величайших учёных.

– Ну, тогда собственностью Барлоу она быть не может. Но кто бы ему одолжил такую ценную вещь?

– Может декан Сильверстоун? Он очень именитый учёный, не удивлюсь, если у него есть экземпляр этой книги.

– А зачем бы он стал давать её Барлоу? И зачем она самому Барлоу? Книге больше пятидесяти лет. Наука сделала тонну открытий с тех пор. Это скорее музейный экспонат, чем учебное пособие.

Но Барлоу недолго занимал умы пары. Стоило Томасу с Керри добраться до лифтов, как всё внимание успело переключиться на предстоящую вечеринку. Оставив тайны поведения безумного профессора позади, они отправились на сорок второй этаж, где располагалось женское общежитие четвёртого курса.

Как Томас и ожидал, весь этаж был охвачен хаосом: много смеха, криков, музыки и прочего веселья. Пробравшись через первый слой толпы к середине коридора, они обнаружили Альберта. Он возвышался на пирамиде из мусорных корзин, а его предположительно голубая рубашка уже была надета, каким-то образом, вверх-ногами.

– Томми! – с радостным криком Альберт наполовину-спрыгнул наполовину-свалился со своего пьедестала. – И ты привёл Керри!

Поднявшись с земли, Альберт первым делом бросился заключить Керри в объятия. По лицу девушки поплыл пунцовый отлив.

– П-п-привет, Альберт, – едва смогла выдавить она.

– Ты в лучшем состоянии чем я ожидал, – прокомментировал Томас, удерживая себя от смеха над лицом Керри.

– О, вы не перд-редставляете себе, – воскликнул Альберт, – кто-то спёр всё крепкое спиртное. Я тут пытаюсь напиваться на одном лишь пиве!

– Теперь понятно, – кивнул Томас, – а теперь свали, нам надо поздравить именинницу.

– А, ты и твои длинные трезвые слова. Эй, Керри, пошли танцевать!

– Ну... – Керри разрывалась между желанием и долгом, – нам и правда надо сначала поздравить Амелию.

– Ладно-ладно, пошли, раз вам надо быть такими реск-ресб-респ-е-к-таб-ельн-ыми.

Все трое продвинулись дальше по коридору к двери виновницы торжества. Комната внутри была раза в три больше комнаты мальчишек, и при этом была самым пустым пространством на этаже. Занимала её лишь парочка, сидящая очень близко друг к другу.

– Томми! Керри! Я так рада вас видеть! – закричала девушка, отталкивая прильнувшего кавалера.

Её острое лицо озарилось улыбкой. Она вскочила с дивана, являя самый высокий рост в комнате, если не на этаже, и бросилась к гостям развевая позади длинные русые волосы.

– С днём рождения, Амелия, – произнесла Керри в объятиях именинницы.

– Да, поздравляем с круглой датой, – добавил Томас, получая свою очередь объятий.

– Ребята, вы теперь просто обязаны выпить со мной! – С этими словами Амелия развернулась к кавалеру на диване. – Эй, Стив, принеси нам всем чего-нибудь.

Разочарованный ловелас, ворча, отправился во внешний мир шумного кутежа. Через несколько минут он вернулся с бутылкой в каждой руке и ещё по бутылке подмышками. Последующий час был наполнен тостами, пожеланиями и сломанной мебелью, когда кто-нибудь, в основном Альберт, пытался продемонстрировать невероятную ловкость. Наконец, когда бутылки опустели, а Стивен мерно храпел где-то в душе, четверо оставшихся отдохали кто на каком из нетронутых предметов мебели.

– Вы чего так поздно? – спросила Амелия у Томаса, который сидел на стуле, закинув ноги на стол.

– Работал над завтрашним докладом и немного дипломом, – ответил он заметно медленнее, чем до празднования.

– Да? И как успехи? Я вот уже месяца два не могу сдвинуться с места, – вздохнула Амелия.

– Да я сам постоянно в тупиках, только мои большей частью продиктованы идиотизмом Барлоу, – ответил таким же вздохом Томас.

– Ха-ха-ха, ты и твой чокнутый профессор. – Альберт лежал на втором столе и только теперь отвлёкся от попыток завить волосы Керри в косу. – У меня с Погли просто лафа. Осталось несколько мелких опытов и закончу.

– Ну тогда вы оба можете отправляться далеко и надолго, Ал. Я с каждым визитом к Барлоу всё дальше схожу с ума. – Томас откинулся на стуле. – Ещё и ездить приходится к нему в подвал. Насколько надо быть бесполезным профессором, чтобы иметь кабинет в подвале? Девяносто два этажа, каждый размером со стадион, а он в подвале.

– Может просто не любит высоту? – предложила Керри, высвобождая свои волосы из беспокойных рук Альберта.

– Ага, конечно. Я тоже высоту не люблю и как-то мирюсь с нашим облачным уровнем.

– Только потому, что ты в первый же день передвинул стол к окну, – засмеялся Альберт. – И вообще, это диплом бакалавра, все знают, что это формальность. Можешь хоть размножение белок изучать.

– А твой диплом – просто формальность?

– Ну... нет, но это чисто случайно. Я тему придумал, когда не мог носки найти.

– А она у тебя кстати какая? – поинтересовалась Амелия.

– Гео... логическое определение кристаллов. Придумываем, как найти тусклые камни глубоко в земле. А у тебя?

– Сингулярная трансфузия. Я хотела найти способ перемещать энергию между кристаллами.

– Погоди. А разве мы это уже не умеем? На втором курсе только об этом задачи и решали.

– Нет-нет, это было про использование нескольких кристаллов в одной цепи, а я хочу придумать как переместить энергию из одного кристалла в другой.

- А на кой нам это надо?
- Ну мало ли. Это просто теория. Практического применения я ей не придумывала. Мы же учёные, а не инженеры.
- И то верно, – признал поражение Альберт. – А ты Томми? Твой о чём?
- Я тебе миллион раз говорил! О волновой природе сингулярности.
- Да? Наверное, мне было всё равно.
- Естественно. Каждый раз, когда я пытался объяснить его, ты либо убежал, либо затыкал уши.
- Но тебя таааааак скучно слушать, – простонал Альберт, – Вот Керри – гораздо интереснее. Эй, Кер, твой о чём?
- Ну... не знаю, стоит ли вам говорить.
- Что? – Альберт был ранен в лучших чувствах. – Ты не поделишься с лучшими друзьями? Мы свои назвали, теперь твой черёд.
- Давно ли ты стал её лучшим другом? – усмехнулся Томас.
- Полчаса назад, когда вместе пили. Именно так и заводятся друзья, Томми, мой ворчливый лучший друг. Но правда, Керри, я тебе волосы заплетал, неужели ты не доверишься мне со своей темой?
- Ладно... – Керри набрала воздуха в грудь, – моя тема – энтропия сингулярности.
- Пауза повисла в комнате.
- И? – выразил общий конфуз Альберт. – Что в этом тайного?
- То, что это как-то страшновато, не находите? Если моё исследование окажется правдой – мы можем навсегда потерять энергию сингулярности.
- Пфф, ещё найдём. Тоже мне, Кер, уж тебя я не принимал за такую трусиху. Я бы ещё понял, если бы это была идея Томми... я бы в голос посмеялся бы, но понял.
- Спасибо за понимание, – едко добавил Томас.
- Ну, в некотором роде это и правда идея Томми, – добавила Керри, на что Альберт разразился хохотом. – Мы как-то обсуждали тот факт, что кристаллы каждые несколько лет теряют в яркости и он сказал, что не удивился бы, если бы однажды они и вовсе перестали производить энергию.
- А-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА, – продолжал умирать от смеха Альберт, – Томми, что же ты за печальный зануда?
- Да заткнись ты уже, – гаркнул уязвлённый молодой человек, – я просто предположил, что такое возможно. Я не ожидаю, что это произойдёт. Но яркость-то они и правда теряют. Не случайно же это происходит. Должен быть какой-то процесс деградации.
- А знаешь, что, – подключилась к разговору Амелия, – думаю, ты – прав. Но моменты угасания настолько длинные, что может пройти не один десяток лет для кристалла. Да и несмотря на это, мощность остаётся той же.
- Вот это как раз мы с профессором Рид и обнаружили, – вновь подала голос Керри, – мощность может и казаться той же, но скорость подачи энергии замедляется. Проблема в том, что у нас нет инструмента, который мог бы объективно измерить этот факт. Я подозреваю есть какой-то процесс, происходящий в момент подключения кристалла к цепи.
- Может какой-то переходный процесс? – предложил Альберт на удивление трезвым голосом. – Ну в смысле, сингулярность же просто чистейшая форма энергии. Рекомбинатором мы меняем природу отдельного кристалла, и его энергия начинает выходить кинетической, или тепловой, или светом. Как-то же кристалл должен определять, какую энергию он должен выводить.
- Печальная реальность вечеринок старших курсов в том, что они часто заканчиваются обсуждением учёбы. Хоть суть вечеринки в том, чтобы уйти от забот и насладиться жизнью, к четвёртому курсу наука становится жизнью студентов. Там, где молодые обсуждали бы привле-

кательность противоположного пола, у старших сплошные кристаллы, дипломы и процессы, даже при наличии привлекательного противоположного пола. А за обсуждением учебы вечеринка закономерно сходит на нет, оставляя студентов спать, где придётся.

По утру Томас был благодарен гению предыдущих поколений за мягкий и спокойный звук будильника. Он точно не знал, был ли этот нежный звук естественным продуктом преобразования кристалла в звуковой, или кто-то намеренно разрабатывал его, но с похмелья более гуманного способа намеренно разбудить человека не существовало. Томас перекатился с кровати и был рад узнать, что этой ночью он спал на нижнем ярусе, а значит синяк заживёт гораздо быстрее. Последующие несколько минут были посвящены типичным утренним делам: чистке зубов, приготовлению чая, поиску наиболее чистой одежды, хождению кругами по комнате в попытке вспомнить, что ты хотел сделать, и прочим. Альберт был гораздо осторожнее, а потому сначала высунул голову, чтобы оценить высоту. Определив её как удовлетворительную, он также перекатился с кровати. Спустя ещё двадцать минут, оба вылетели стрелой из комнаты, от осознания, что до урока осталось пять минут.

Нельзя сказать, что лекции профессора Хоэла были обязательны к посещению, поскольку обычно профессор был слишком увлечён звуком своего голоса, чтобы инспектировать пустые столы, но пара сложностей в их посещении присутствовала. Во-первых, память на лица у профессора была отменная и он всегда мог по памяти вспомнить как часто видел каждое лицо. Во-вторых, ничто так не злило его, как отсутствие пунктуальности, так что появляться после звонка было ещё опаснее, чем не приходиться вовсе.

Ровно за тринадцать секунд до звонка Томас и Альберт ворвались в аудиторию и свалились на ближайшие к ним места. Закончив с этой формальностью, у них теперь было полтора часа, которые можно было посвятить любым занятиям. Пока профессор рассказывал об особенностях формирования кристалла во влажных средах с кислой почвой, Альберт довершил свой завтрак, а Томас изучил свой доклад, который позже должен был зачитать Барлоу. И до следующего звонка оставалось ещё много времени.

– Как видите, молекулярная структура ассимилирует сингуляры с нижних слоёв. Вам может показаться, что из-за этого должна повышаться яркость, но вместо этого ядро конденсируется, что в свою очередь приводит к сублимации сингулярных каналов... – монотонный голос профессора Хоэла мерно убаюкивал всех присутствующих, заставляя студентов искать способы борьбы со сном.

У Томаса с Альбертом было своё решение для этой проблемы.

– Лопата.

– Альбатрос.

– Сыр.

– Романтика.

– Арбуз.

– Запрос.

– С-с-с-тарание.

– Что-то, что ты не вкладываешь в игру? Еретик.

– Ох, кретинизм. Счастлив?

– Му-

– Может закончим уже?

– А ты предпочтёшь слушать лекцию Хоэла? – Предложил Томас, перелистывая свой доклад в начало. – Она ведь вроде к твоему диплому отношение имеет.

– Не, – Альберт махнул рукой, – это несущественно. Моя задача найти кристаллы. Как они растут – меня вообще не волнует.

– Готов поспорить Погли бы тебе много чего высказал за такой взгляд на вещи.

– Ну ладно, может немного существенно, но мне всё равно нет смысла это слушать. Я и так понимаю рост кристаллов.

– Да ты ни одну лекцию не слушал.

– А их и не нужно слушать, Томми. Когда ты понимаешь предмет, ты сам способен придумать всё, что объясняют на лекциях.

– Ну вы только послушайте Доктора Айнцберна. И ты ещё меня обвиняешься в любви выделываться.

– Но это реально так. Это как ходьба: ты не думаешь о том какие мышцы, когда напрячь, ты просто идёшь.

– И что же ты так хорошо понимаешь в росте кристаллов?

– Ну не знаю. Всё? Просто задай мне любые условия, и я скажу тебе какой кристалл в них вырастет.

– Хорошо. Илистая почва, метров тридцать в глубину, щелочная, два года. Хоэл меня это спрашивал на прошлом экзамене, так что я помню ответ.

– Ядро низкой плотности, средняя яркость, мощность порядка пятисот Си. При этом, скорее всего, узкий и высокий.

– ... Чёрт, похоже ты и правда в этом разбираешься.

– Говорил же. Давай уже придумай: как ещё убить время.

– Я, пожалуй, перечитаю доклад ещё раз.

– Ну ты прямо как солдат в-

– Заткнись.

– На кой ты так стараешься? Ты же и так понимаешь, что Барлоу просто будет выносить тебе мозги заданный интервал времени. Почему бы просто не расслабиться и получить удовольствие?

– Потому что мне ещё два месяца с ним работать над моим дипломом, так что мне нельзя давать ему поводом считать меня плохим учёным. Но ты небось так и предвкушаешь наш поединок на следующем уроке.

– Ну-у, я вообще-то вряд ли приду, – с этими словами лицо Альберта приняло виноватый вид.

– То есть как? Это не лекция, толпы студентов не будет, чтобы прикрыть твоё отсутствие.

– Ну-у-у, у меня другие планы. Да и Барлоу плевать на мою посещаемость. Просто придумаю какое-нибудь оправдание.

– И что это за планы?

– Я... должен помочь кое-кому.

– Помочь с чем?

– Кое с чем?

– Ты ведь понимаешь, что только закапываешь себя глубже, пытаясь вилить? Рассказывай. Или я уже не твой лучший друг?

– Ладно-ладно. Мы с Керри отправляемся в город. Я обещал помочь ей с исследованием.

И мы, может... посидим где-нибудь.

– О-о. Готов поспорить у неё большие надежды на это «исследование».

– Ну я... не знаю.

За все четыре года, что Томас знал Альберта, ещё никогда тот не выглядел нерешительным.

– Просто Керри ведь такая приличная девушка, а я...

– Разгильдяй? Идиот? Скотина?

– Остановимся на разгильдяе. Просто я к тому, что будь это Амелия – и думать было бы не о чем. Погуляли бы пару недель и она бы меня бросила ради кого поновее, и без обид. Но Керри... Я, честно сказать, боюсь разочаровать её.

– Это как раз хорошо. Хоть в чём-то ты наконец проявишь усердие.

– А что, если не сработает?

– Тогда делай всё, что в твоих силах, чтобы работало. Вообще, вопрос тут простой: она тебе нравится?

– Ну... она милая девчонка.

– Хочешь сказать она тебе не нравится?

– Точно нет.

– Тогда попробуй и посмотри, что будет. В жизни на большее надеяться не приходится.

Альберт вздохнул и устремил мечтательный взгляд в пустоту, пока Томас в очередной раз листал свой доклад. Хоэл продолжал нудеть про кристаллы и почву, не обращая внимания на целые ряды спящих на своих книгах студентов, испускавших мерное сопение, и остальных, что играли в настольные игры в тетрадках.

Через, предположительно, сорок минут, звонок вырвал Хоэла из его транса, и профессор объявил окончание лекции. Студенты поспешили покинуть аудиторию. В коридоре Томас пожелал Альберту удачи, и их пути на этот день разделились.

Перерыв между уроками обычно составлял десять минут, но, благодаря кристаллам кинетического гашения в лифтовом механизме, этого времени более чем хватало, чтобы попасть на любой из девяносто двух этажей башни. Уроки Барлоу проходили на восемьдесят пятом этаже, аккуратно над сегодняшним плотным слоем облаков. Кабинет это был далеко не самый чистый и красивый, и тем более он не был велик, вмещая не больше трёх десятков студентов. Но в такие дни не было ничего лучше, чем любоваться мягкой периной испарившейся воды, под яркими лучами солнца, оставшимися только последним семи этажам.

Однако, прежде чем Томас мог бы насладиться видами, ему предстояло несколько обязательных минут позора. Он зашёл в аудиторию, в которой уже сидело несколько его одноклассников, скорее всего прогулявших лекцию Хоэла. Чтобы скрасить свой день, Томас занял один из столов на задних рядах прямо у окна. Правда из двух мест за столом он выбрал дальнейшее от окна. Даже после стольких лет в академии, Томас всё ещё с опасением относился к высоте. Кто-то мог бы назвать это фобией, но сам Томас предпочитал считать, что у него просто слишком хорошее воображение, чтобы не представить себе ситуацию, в которой он мог бы выпасть наружу. Вскоре подтянулась и остальная часть группы. К Томасу за столом присоединилась Амелия, которую невозможно было оттащить от окон на верхних этажах. Новый звонок оповестил академию о начале урока и, всего через десять минут после него, в аудитории наконец появился Барлоу, сопровождаемый разочарованным вздохом сидящих. Сколько бы раз это ни происходило, но каждый раз, когда профессор опаздывает, студенты лелеют надежду, что урок будет отменён.

– Так, мальчики и девочки, – начальственным тоном Барлоу без промедления взял контроль над публикой, – мы сегодня припозднились с началом, так что придётся занять пятнадцать минут из вашего обеденного перерыва.

Хотя любому наблюдателю была бы очевидная логическая ошибка заявления, присутствующие студенты слишком хорошо понимали, что высказывание возражений только разозлит Барлоу. Их научил горький опыт первого курса, который, по мнению Альберта, и был источником нелюбви Профессора к Томасу.

– Начнём мы сегодня с доклада Поплина, после чего продолжим тему предыдущего урока. Поплин, хватит там разваливаться, иди к доске, мы и так достаточно времени потеряли.

Со знакомым всей группе вздохом, Томас покинул стол и вышел на всеобщее обозрение.

– Мой доклад основан на работе, проводимой мной в рамках дипломного проекта и посвящён теоретической волновой природе энергии сингулярности в-

– Поплин-Поплин, ну кто же так начинает доклад? – Этими словами Барлоу начинал предстоящую пытку. – Ты же никакой стартовой точки не даёшь своим слушателям. Нельзя так прямо начинать доклад, просто заявляя его тему.

– Да, понял. Итак, как мы все знаем, учёные ещё не пришли к единой теории о природе энергии сингулярности. В своём исследовании я пытаюсь найти фундаментальный принцип её-

– Нет, Поплин, опять ты спешишь. Надо начинать издалека, иначе твоя информация не релевантна для остальных. Ты должен учиться преподносить знания как педагог. На курсе магистров вам предстоит вести занятия у младших курсов, а с твоим подходом они ничему не научатся.

– Ну так и как мне надо начинать, Профессор?

– Очевидно же: тебе надо начать с многообразия мира.

Голова Томаса сама повернулась от всепоглощающей ошарашенности, вызванной необъяснимым безумием заявления.

– Наш мир многообразен, – начал он, пытаясь нащупать ногами разума почву требуемого дискурса, – и... одной из самых многообразных вещей являются кристаллы сингулярности... Чью природу за пятьдесят лет наблюдения не удалось установить. Поэтому моё исследование пытаются-

– Опять торопишься, Поплин. Не прыгай с места в карьер. Сначала поговори о том, что известно про кристаллы сингулярности.

Раздражение мерно росло, но Томас был терпеливым человеком.

– Хорошо. Эти кристаллы производят особую форму энергии, которую мы называем сингулярностью. Название происходит от древнего слова «сингулум», означающего единство, так как эта энергия имеет абсолютно чистую форму, требующую рекомбинации. Но нам по-прежнему не известна природа этой чистой энергии и-

– Не начинай говорить об одном, чтобы тут же сменить тему. Если уж заговорил про рекомбинацию, то расскажи, как она проходит.

– Это-то какое отношение имеет к моему исследованию?! – Пределы терпения Томаса были достигнуты и быстро преодолевались.

– Не знаю, ты же завёл речь про рекомбинацию.

– Потому что вы меня заставили говорить о сути сингулярности! Что я ещё мог сказать?

– А мне почём знать? Твой же доклад. Хватит уже время тратить, Поплин, подходи к сути.

Скрежет зубов Томаса мог соперничать с точильным станком. Он чувствовал, как каждый мускул на его лице пытается скривиться из ненависти к Барлоу. И самое худшее было то, что любое сопротивление заставит эту пытку длиться вечно.

– В применении рекомбинации-

– Не используй пустых терминов. Сначала дай определение рекомбинации.

– Процесс преобразования чистой энергии сингулярности в одну из базовых физических сил называется рекомбинацией. – Томас остановился и взглянул на Барлоу. К его счастью, Профессор просто кивнул. – Он достигается путём пропуска сильного потока сингулярности через кристалл, после чего приложения требуемой физической силы к ядру кристалла.

Томас ещё раз взглянул на Барлоу, на всякий случай и, как ни странно, Профессор похоже был доволен. Но теперь перед Томасом стояла новая проблема: как выйти к нужной теме?

– Однако... – у Томаса пока не было продолжения этого предложения, но начало было хорошее, – этот процесс опирается на создание цепи из кристаллов. Иииии... нам следует задаться вопросом: возможен ли поток энергии между ними без физического контакта.

Решение было однозначно позитивным. Не то, чтобы Томас имел подобные мысли в задаче своего исследования, но, если удавалось говорить без прерываний Барлоу, остальное было неважно. Вот только поглощённый своими проблемами, Томас не заметил, как от его слов встрепенулась Амелия. Она выпрямилась, с уст её сошла улыбка, а в руках появилось перо,

бегающее по тетрадке. Пока её друг прорывался сквозь семантический лабиринт безумного профессора, в её голове рождались новые идеи.

– Таким образом, поскольку мы до сих пор не имеем твёрдого представления о природе энергии сингулярности, существует вероятность, что подобный бесконтактный поток возможен. Если, к примеру, мы предположим, что она имеет форму волны, то сингулярность могла бы создавать возмущение вокруг себя, которое мы могли бы использовать как самостоятельный поток сингулярности в рекомбинации.

Редко, когда Томасу удавалось так удачно зачитывать доклад. Барлоу не прерывал его уже добрых пять минут, а сам он смог добраться до основной темы. Но на данном этапе даже он уже заметил, сколько шума делала Амелия, листая бумаги и скрипя пером. И, естественно, Барлоу не было никакого дела до неё. Если бы Томас издал хотя бы шорох во время чужого выступления, Барлоу бы сожрал его с потрохами. Хотя всем и так было известно, насколько мягок Барлоу со студентами женского пола.

Томас продолжил свой доклад и смог дойти до конца с жалкими пятью прерываниями от Барлоу на технических моментах речи. По его стандартам это был настоящий фурор, и Томас смог наконец-то вернуться за стол к Амелии. К доске вышел сам Барлоу и начал, как полагается самому бесполезному профессору, говорить ни о чём.

– Ты чего так завелась посреди моего доклада? – шепнул Томас.

– Меня осенило. – Глаза Амелии сияли от радости и гордости разом. – Если твоя идея о поле сингулярности верна, то это именно то, что я могу использовать для передачи энергии между кристаллами. Всё благодаря тебе Томми!

– Благодарю скорее Барлоу, – мрачно шепнул Томас, – если бы не его идиотские замечания, я бы не стал говорить о чём-то настолько отдалённом и не имеющим к моей теме отношения.

– Как бы то ни было, но именно твоё исследование дало мне нужное направление.

– Тогда всегда пожалуйста, Эм. Вообще, у меня есть некоторые заметки в этом направлении. Например, полностью решённая теорема Лемарка.

– Ты решил целую теорему Лемарка?! – глаза Амелии вылезли из орбит.

– Да, но я потратил почти месяц на это. Если хочешь, можешь зайти ко мне, покажу расчёты.

– О, Томми, это что, свидание? – шёпот Амелии наполнился игривостью.

– Я не подкатываю к занятым девчонкам. Тем более на следующий день после того, как пил вместе с их парнями.

– Ой, да расслабься, – хихикнула Амелия, – это всё часть студенческой жизни. Ты же меня знаешь, Стив не продержится дольше двух недель.

– Тогда тем более. Я бы предпочёл отношения с долгосрочным потенциалом, а у тебя ни единого такого случая.

– Может попадись мне подходящий парень, я бы и хотела чего-то большего, – на удивление, голос Амелии был полностью серьёзным в этот момент. – Обычно мне попадают парни в стиле Альберта. А я бы хотела кого-то вроде... не знаю.

– К слову об Альберте, ты слышала, чем он сегодня занят?

– Свиданием с Керри? Да, она упоминала. По-моему, из них отличная пара.

– Серьёзно?

– Противоположности притягиваются, знаешь ли.

Видя в глазах Амелии странные нотки, Томас решил отложить неловкий разговор и отвлечься на виды. За окном лежали тяжёлые грозовые облака. Включив воображение, можно было бы представить, что снаружи тебя ждала мягкая упругая перина. А где-то далеко внизу, внутри этого полога, гремели грозы. Если и была на свете сила сравнимая в своей загадочности с сингулярностью – это была молния. Непокорная человеку стихия таила многие тайны для

ума учёного. Томасу даже было слегка обидно, что имея такую удобную в применении силу как сингулярность, человечеству не было смысла изучать более опасные и сложные явления природы. А что, если бы кристаллы потеряли свою энергию? Обратились ли бы люди к окружающему миру за новыми инструментами, или вымерли бы вместе с кристаллами?

– Ты чего замечтался? Думала ты боишься высоты, – насмешливый голос Амелии вырвал Томаса из грёз.

– Как думаешь, что бы получилось, используй мы молнию в рекомбинации?

– Взрыв?

– В смысле, могли бы мы сделать кристалл, настроенный на энергию молнии?

– Наверное, но какой в этом смысл? Он бы просто бил всё вокруг молнией.

– Может мы просто ещё не понимаем её природы? Должны же быть у молнии законы.

– А ты замечал, чтобы удары молнии имели хоть какую-то корреляцию? Чего ты вообще в эту тему ударился? Из-за нашего разговора?

– На что ты намекаешь? – Томас смущённо отвёл глаза.

– Сам-то на что намекаешь?

– Я просто... не знаю, думаю о природе, – Томас откровенно потерял всякую нить.

– А следовало бы и о людях подумать, – ответила Амелия с едва уловимой ноткой разочарования.

– А это теперь в каком смысле?

– В смысле, тебя сейчас Барлоу вызовет отвечать.

– Поплин! – следуя предсказанию Амелии, голос Барлоу подсёк Томаса с места. – Кого ты выберешь?

– Э-э-э... – Сколь бы привычна эта ситуация ни была, она всегда раздражала Томаса, – выберу из кого?

– Поплин-Поплин, ты прямо как солдат в рекомбинаторе.

– Да, я в курсе. Простите, профессор, я просто не очень понял вопрос.

– Естественно не понял, все твои мысли же увлечены обворожительной одногруппницей.

– Я не-

– Я спрашиваю, как инженер, кого из трёх кандидатов ты возьмёшь с собой в лодку.

«*Это НЕ помогает*», подумал Томас.

– Но я же не инженер, я – учёный, – Томас пошёл в манёвр.

– Хороший учёный никогда не забывает об инженерной стороне вопроса, Поплин. Ты же не плохой учёный.

– Надеюсь.

– Тогда отвечай.

Разговор с Барлоу был не прост, когда ты имел нить диалога. Застанный врасплох, ты оказывался на риторическом минном поле, где каждый шаг означал смерть. Но если чему человека и учит университет – так это способности искать решения даже в самых безвыходных ситуациях. И к четвёртому курсу, всякий лентяй вроде Томаса овладевал этим умением в совершенстве.

– Зависит от того, что мы выберем нашими условиями и ограничениями.

По лицу Барлоу промелькнула тень улыбки. Хорошим явлением назвать это было нельзя, но оно означало, что Томас смог перешагнуть первую мину на пути.

– Это так, Поплин. И условия с ограничениями мы уже выбрали. Так какого из оставшихся кандидатов ты выберешь?

– Эээ... второго.

– Да? Очень интересно. И почему же ты выбрал второго? Первый и третий ничем не хуже.

– Потому, – Томас наконец скопил достаточно уверенности, чтобы идти тараном на семантический лабиринт несмотря на то, что понятия не имел о чём идёт речь, – что он ничем

не хуже первого и третьего. Если условия были заданы верно – а я полагаю, что верно – то выбор проводится на основе показателей качества и на основе моего личного выбора показателей качества второй кандидат наиболее репрезентативен.

– Неужели? Чем же ты находишь его более репрезентативным?

Томас прекрасно понимал, что рано или поздно он окажется в этой ситуации. Всё что оставалось теперь – тянуть время пока не прозвенит звонок.

– Он лучше отвечает моим предпочтениям.

– Вот как? – Барлоу явно наслаждался этой игрой в кошки-мышки. – Не очень инженерный подход.

– Конечно, я же учёный, а не инженер.

– А теперь, стало быть, это выбор репрезентативный для учёного? Но разве учёный тогда не должен выбрать-

Прежде чем Барлоу смог закончить предложение, раздался звонок. Томас с облегчением выдохнул.

– Не переживай, Поплин. – Глаза Барлоу наполнились садистским удовлетворением. – Я же говорил, что мы займём пятнадцать минут от обеденного перерыва. Итак, вернёмся к насущному вопросу: почему второй?

– Потому что он лучше подходил исходя из имеющихся передо мной условий.

– Но условия были выбраны с позиции инженера, а ты говоришь, что выбрал его с позиции учёного.

– Но ведь вы сами говорили, что учёный всегда должен видеть и инженерную сторону. В инженерных условиях, я, как учёный, нахожу второго кандидата более репрезентативным для инженерного выбора.

Барлоу замер. Его глаза моргали в попытке осмыслить тот бред, что нёс Томас.

– Ладно, – наконец махнул он рукой, – ты так можешь тянуть kota за хвост долго. У твоих одноклассников нет столько времени.

Лучшего результата ожидать было сложно. Томас опустил на стул с чувством глубокого удовлетворения, пока Барлоу перешёл к организационным вопросам, вроде расписания защит дипломов. Когда урок был закончен с точки зрения профессора, Томас быстро собрал вещи и проскользнул к выходу по студенческой массе, на случай если Барлоу захотел бы задержать его ещё сильнее.

Обычно, обеденный перерыв длился час. Благодаря безответственности Барлоу, сегодняшний был сокращён до сорока пяти минут. К этому моменту очереди в столовых становились очень длинными. Башня имела десять таковых, в каждой из которых было по несколько окон с продавцами. Естественно, лучшие из столовых забивались до отказа ещё до начала самого перерыва, но большинство хотя бы быстро обслуживали. Вдобавок, на территории вокруг башни имелось множество ларьков с уличной едой, пользовавшихся оравой голодных студентов, которыми башня была набита в любое время дня и даже ночи. А вот дальше ворот территории академии студентам выходить было запрещено. Это не самое логичное правило было призвано донести до студентов значимость знаний, которые они получали в стенах башни. Естественно, на деле мало кого это правило волновало. Студенты часто устраивали вылазки в город, тем более по праздникам, но попадись они кому-то из профессоров, чтивших традиции – бед было не избежать.

Возвращаясь же к Томасу, он выбрал одну из обычных столовых, где длинна очередей компенсировалась скоростью обслуживания. К сожалению, Амелия оставила его, чтобы встретиться со Стивом, а Альберт и Керри ушли на весь день, так что разделить трапезу ему было не с кем. Однако уже стоя в очереди, Томас встретил Мирса со второго курса и посвятил обед наставлениям мудрости подрастающим поколениям.

Третьим уроком дня была очередная лекция, в этот раз от профессора Карата – наверное, самого любимого среди студентов преподавателя. Он не проверял посещаемость, не запоминал лиц, не следил даже за поведением на самой лекции, кроме уж слишком вопиющих случаев. И тем не менее, посещаемость его лекций была почти идеальной, а поведение студентов – прилежным. Настолько любим был профессор своими учениками. Случись молодому студенту на шумной вечеринке спросить у старших: за что все так любят Карата – он получал от них целую лекцию. Кто-то распишет сколь добр Карат на экзамене. Кто-то обязательно перескажет случай, когда у Профессора спросили почему он учит собственные лекции наизусть, на что тот ответил, что если он сам не может пересказать весь предмет, то и не сможет требовать этого от студентов. И абсолютно все, со слезами на глазах, вспомнят, как Профессор принимал их расчёты поздним вечером, сам порой засыпая, но не прекращая, пока ученик не доходил бы до правильного решения. Из всех великих учёных, что заседали в башне академии, ни один не вызывал столько уважения и любви, как профессор Карат. Как результат, Томас всегда старался слушать лекции Карата внимательно, благо сегодня с ним не было Альберта, чтобы отвлекать от этого занятия.

На счастье Томаса, четвёртого занятия в этот день не было, да и следующий день не требовал каких-то самостоятельных работ, а значит остаток дня был абсолютно свободен. Но, не добравшись до лифта, Томас был перехвачен Амелией, которая потребовала увидеть его дипломные исследования. Решив, что приглашать человека в гости без угощения было бы грубо, Томас принял решение заскочить в ближайший кафетерий. С набором выпечки и небольшим запасом лёгкого горячительного, места с которыми в стенах академии были известны лишь старшим курсам, они вдвоём добрались до комнаты Томаса и Альберта.

– Всё такая же крошечная, – прокомментировала Амелия, протискиваясь между кроватью и столом Альберта. – Вы не пробовали выпросить комнату побольше?

– Пробовали.

– И как успехи?

– Помнишь, как на первом курсе Альберт спалил лабораторный стенд?

– Ха, ещё как. Профессор Адамс был просто в ярости.

– Да, равно как и квартирмейстер академии. И, как нетрудно догадаться, распределением комнат заведует тоже он.

– Понятно... Ну, зато у вас уютно.

Томас отправился рыться по ящикам, доставая кипы бумаг с расчётами. Отодвинув хлам со своего стола на пол, он подставил стул Альберта. Сидя чуть ближе социально-ответственной дистанции с Амелией, Томас принялся демонстрировать работу, на которую потратил месяцы заканчивающегося семестра. Вскоре оба были настолько увлечены теорией, что потеряли всякий счёт времени.

– Погоди, как это работает? Ты использовал вместо энергетических констант тригонометрические функции.

– Вот, смотри, поскольку я переосмысляю принципы сингулярности как волну, то она обретает геометрические свойства.

– А что, если не обретает?

– Тогда моя теория яйца выеденного не стоит. Но если я прав, то все уравнения сходятся.

– Хм, может и так. Но не слишком ли это смело? Ты, по сути, выкинул половину того, что мы учили четыре года.

– Казалось бы в этом и суть научной теории. И ты, может, и научилась чему-то, а я точно не запомнил и половины того, что нам преподавали.

– Да-да, все вы мальчишки любите хвалиться этим. Но всё-таки, ты сверялся с кем-нибудь из профессоров? Они не будут против такой теории?

– Барлоу не против.

– Барлоу – это Барлоу, и ты знаешь это лучше, чем кто-либо. Может хотя бы зайдёшь со мной к профессору Бланшу и спросишь его мнение?

– Ага, к профессору «если ваша степень ниже моей, то с вами нет смысла разговаривать» Бланшу. Уж он-то будет рад послушать о том, как жалкий студентка пытается переосмыслить всю науку сингулярности разом.

– Ладно, тогда как насчёт Погли?

– Так он просто согласится с Барлоу. Уж не знаю почему, но Погли по-настоящему уважает этого психа.

– Тогда профессор Карат! Он никогда не оставит студента в беде. Да и цепи – его специальность, он будет очень заинтересован в новом видении потока сингулярности.

– А вот тут ты права. Может и стоит к нему заглянуть.

Томас продолжил обдумывать предложение, пока Амелия продолжила проверять решение. Внезапно дверь широко распахнулась и в комнату вплыл Альберт, весь сияющий изнутри.

– О-хо-хо, а вы тут чем занимаетесь в такой интимной атмосфере? – расплылся в улыбке он.

– Учёбой, – обрубил его Томас.

– Ага, а я – замдекана.

– Вижу твоё свидание с Керри прошло отлично, – искусно перевела тему Амелия.

– О, вы не представляете. Мы так прекрасно провели время. Смеялись, болтали, держались за руки...

– Держались за руки? – Томас театрально закатил глаза. – Притормози ловелас, тут дети. Мы не готовы к таким откровенным подробностям.

– Ладно, расскажу, когда будешь старше. В общем я проводил её до комнаты, как настоящий джентльмен.

– Мы видим, – хором отозвались Томас с Амелией.

– Эх, нет в вас романтики.

После непродолжительного обмена издёвками, Амелия решила, что достаточно узнала за вечер и отправилась на свой этаж, пожелав парням спокойной ночи. Час был уже поздний. Томас только сейчас осознал, что солнце давно скрылось за горизонтом, особенно далёким с этого этажа, а стол его освещался одним только экспериментальным кристаллом.

– Ну, – спросил Альберт, устраиваясь на собственном столе, – а твоё свидание как прошло?

– Это было не свидание. Я просто показал ей свои расчёты сингулярности как волнового явления.

– Да нет, я не про Амелию. Как свидание с Барлоу? – с подлой улыбкой продолжил Альберт.

– Ты знаешь, неплохо. Мне даже местами удавалось говорить по пять минут подряд.

– Ого, звучит как самый удачный твой доклад ему. Особенно в сравнении с тем разом на третьем курсе, где он каждые четыре слова тебя прерывал.

– И как обидно, что его ты не пропустил.

– Закон подлости, друг мой: наиболее вероятен всегда худший вариант. Ладно, как у нас нынче с едой? Есть что-нибудь, или обычный студенческий ужин?

– Держи, – Томас бросил ему полупустую пачку жареной картошки, – наслаждайся.

– Ух ты, мы сегодня пируем.

Остаток вечера прошёл рутинно. Альберт почитал новый роман, готовясь к следующему экзамену Хоэла, а Томас, уставший от науки за день, просто рисовал в тетради. Они поиграли в карты, поругались на тему очерёдности уборки, ещё поиграли в карты, и наконец отправились ко сну на своих ярусах кровати.

Пока будильник нежно возвещал наступление утра и грядущих занятий, оба проснулись.
– Какие у нас сегодня уроки? – спросил Альберт, пытаясь раскрыть оба глаза одновременно.

– Политическая... – Томас зевнул, – история, лекция у Рид, экология и лаборатория огранки кристаллов.

– А нам ещё надо сделать какие-то лабораторные?

– Нет, последнюю мы сделали две недели назад. Остались только защиты.

– А отчёты у нас по ним есть?

– Нет, потому что твой черёд был их делать.

Тишина повисла в комнате. Оба продумывали свой напряжённый распорядок дня со всеми возможными маршрутами.

– Тогда выходной? – наконец предложил Альберт.

– Выходной.

Будильник был выключен, и друзья вернулись к любимому студенческому времяпрепровождению.

Спустя два часа и тринадцать минут, когда вторая пара только начиналась, они проснулись с полным зарядом бодрости. Вчерашние объедки были успешно переоборудованы в завтрак и, с чаем для Томаса и кофе – для Альберта, они насладились началом своего свежееизбранного выходного дня.

– Ну что, – начала Альберт, разваливаясь в кресле, – какие планы на сегодня?

– Думаю, я загляну к профессору Карату. Амелия предложила проконсультироваться с ним по кое-каким расчётам из моей диссертации.

– А-а, Карат, лучший преподаватель во всей академии. Я с тобой.

– А тебе зачем? Тоже хочешь что-то у него спросить?

– Нет, но всё веселее с друзьями.

– Не сказал бы это про пытки.

– А я бы сказал. По крайней мере будь мы вместе, я бы мог посмеяться с того, как ты смотришься на дыбе.

– Ну тогда я однозначно не собираюсь попадать под пытки вместе с тобой.

– Эх, скучный ты человек.

– Ты вообще в курсе, когда у Карата сегодня есть свободное время?

– Конечно, на третьей паре. Ну не так чтобы прямо свободное, он там принимает защиты типовых расчётов, но это второкурсники, так что сильно занят он не будет.

В чём Альберту нельзя было отказать, так это в удивительном умении знать наизусть расписание всех преподавателей. Хотя бывали и исключения: предсказать Барлоу невозможно, а потому его расписание несло столько же пользы, сколько подготовка за день до экзамена. Но уж настолько ответственный человек как Карат ни за что бы не пренебрёг своим обязательством перед студентами.

– Стало быть у нас в запасе два часа, – подытожил Томас. – Чем займёмся?

– У меня есть идея, но она безумная.

– Звучит интересно, валяй.

– Мы можем убраться в комнате.

Томас был так шокирован, что подавился чаем. Носи он монокль – тот бы сам вылетел из его глаза от непередаваемой абсурдности подобных слов в устах Альберта.

– Да уж, гораздо безумнее чем я ожидал. – Томас наконец прокашлялся. – Как тебе такое только в голову пришло?

– Ну ты вчера сюда приводил Амелию-

– Это не было свидание.

– Было, стоеросовый ты. В общем я и подумал: а что, если я приведу сюда Керри? Её это место разочарует.

Томас уважительно качнул головой.

– На удивление благородная цель для тебя. Но я рад, что ты воспринимаешь её настолько серьёзно. Раз расклад такой, то я в деле.

Последующий час был проведён в методичных подбираниях предметов, оценке их вида и вынесения вердикта, кому из двух оно принадлежит и чем вообще является. Это путешествие в тяжёлый ручной труд позволило решить немало открытых дел пропавших носок, утратить их опции верхней одежды и даже найти любимого плюшевого мишку Альберта, который был размером почти с самого Альберта. Когда в комнате вновь можно было рассмотреть пол, внимание студентов переключилось на столы.

– Наверное их тоже надо как-то организовать? – предложил Томас.

– Да я бы сказал они и так организованы.

– С виду не скажешь.

– Да, но на то они и рабочие столы. Мне под рукой нужны все эти линейки, компасы и триграммы именно в том порядке, в каком они лежат друг на друге.

– Но посторонний-то увидит тут только бардак.

– Но девчонки-то – не посторонние.

– Ладно, бог с тобой. Будем считать, что мы убрались.

Томас с кислой миной опустился на кровать.

– Ну что, будут ещё безумные идеи, чем нам заняться до третьей пары?

– Можем сходить пообедать.

– Мы всего час назад позавтракали.

– Но мы же тут час трудились не покладая рук.

– Давай хотя бы сделаем это после визита к Карату. В академии сейчас всё равно обед, все столовые забиты до отказа.

– Ну ладно. Тогда как насчёт морского боя?

Излюбленное студенческое времяпрепровождение позволило скоротать обеденный перерыв. И им даже удалось бы обойтись без ушибов, если бы в последний момент Альберт не сжульничал, за что был немедленно наказан резиновым мячиком по лбу. Наконец звонки объявили начала третьей пары. Мальчишки захватили сумки и отправились прочь из практически чистой комнаты.

Коридоры этажей общежитий в эти часы всегда были пусты, потому что большинство студентов были уже на парах, а остальные, как правило, спали в преимущественно своих комнатах. Это удачно освобождало лифты, хотя с их количеством поток людей бывал проблемой только в обед.

– Какой нам этаж? – спросил Томми, нажимая кнопку вызова.

– Пятьдесят шестой. Только давай возьмём другой элеватор. Этот – медленный.

– Каким образом он может быть медленным? Во всех лифтах одни и те же сингулярные движители. Я всегда его использую.

– Не знаю, он просто медленный. Я как-то раз на нём минут десять ехал до первого этажа. Даже подумал, что застрял: так долго он спускался.

– Странно.

Спустя считанные секунды, подъехал второй лифт, несмотря на то что был гораздо дальше первого, чем заставил Томаса задуматься, хотя пространным размышлениям сложно вклиниться в голову студента под конец семестра. И ведь действительно, в прошлый раз у них с Миром был целый диалог, пока лифт ехал до библиотеки. И, как будто подтверждая идею, второй элеватор успел домчать юношей до нужного этажа прежде, чем Томас мог как следует обдумать факт.

Пятьдесят шестой этаж был домом факультета цепей и преимущественно инженерных специальностей. Но и учёным здесь было место, ведь обе эти направления – стороны единой медали прогресса. Пока вторые находят новые законы, первые применяют эти законы для решения задач. Главное, чтобы в процессе применения первыми закона, вторые вдруг не решил, что закон больше не действует. Сам профессор Карат по слухам учился на инженера, но из-за хитросплетений профессорских интриг, постоянно оказывался в преподавателях у учёных. Но профессор был слишком хорошим человеком, чтобы отказываться от позиции.

Весь этаж был построен как лабиринт из множества сквозных залов и тупиковых ответвлений. Даже сами залы были превращены в маленькие лабиринты нагромождениями старых столов и установок. Но настоящий студент способен находить путь даже в самых крошечных тупиках. Впрочем, два настоящих студента имеют свойство заводить друг друга в ещё большие тупики. На каждой развилке Томас и Альберт устраивали спор о том, куда следует свернуть. К счастью, они забрели лишь в пару ненужных аудиторий и сделали очень небольшой крюк в марафонскую дистанцию. Наконец, им попался кабинет, где профессор Карат сидел в окружении второкурсников. Добрый профессор принимал защиты расчётов, или вернее помогал им защищаться от гипотетического третьего лица, чью роль также озвучивал Карат.

– Итак, Смит, вам удалось рассчитать выходную мощность цепи? – спрашивал он, заботливо наклоняясь к юноше.

– Почти, профессор. – Студент перебирал листы бумаги взад-вперёд. – Но кажется я ошибся. Цифра слишком высокая.

– Ну что же, давайте посмотрим. Хмм, и правда высоковато. Может тогда пройдемся ещё раз? Вот вы начали с закона Рейнхофа. Очень хорошо. Рассчитали вторичные цепи. Правильно. Объединили уравнения в систему. Очевидно. И решали её через V_x по второму уравнению. Хмм, кажется тут что-то пошло не так. Проверьте-ка своё решение, думаю здесь и должна крыться ошибка.

Студент спешно перетащил к себе лист бумаги. Глаза его забегали по потоку из букв и цифр, остановились на мгновение и засияли облегчением.

– Точно! Я перенёс I_2 без минуса.

– Вот в чём дело, – профессор тепло улыбнулся, – тогда остаётся правильно посчитать и я зачту вам защиту.

Томас с Альбертом не могли сдержать прилив умиления. Половина преподавателей в такой ситуации отослала бы студента прочь искать ошибку самостоятельно. Ещё четверть вцепилась бы в уши. Единицы преподавателей, которых считали добрыми, просто проигнорировали бы ошибку и засчитали бы работу. И только профессор Карат не останавливался, пока не помог студенту осознать ошибку и исправиться.

Дождавшись момента, когда все студенты будут заняты расчётами, Томас ступил в кабинет.

– Здравствуйтесь, профессор, – поздоровался он, – надеюсь не отвлеку вас?

– Что вы, мальчики? Проходите.

Морщинистое лицо преподавателя расплылось в добродушной улыбке. Даже с его крепким станом, заработанным в работе на карьерах, годы давали своё. Пускай шевелюра была при нём, вся она давно поседела, а пальцы имели свойство подрагивать, держа на весу учебные материалы.

– Я могу вам чем-то помочь, Поплин? – спросил он, обегая взглядом уткнувшихся в формулы второкурсников.

– Да, профессор. Я надеялся, что вы сможете взглянуть на мой бакалаврский диплом.

– О, это серьёзная задача. Не уверен, что смогу так легко помочь вам, но постараюсь.

– Спасибо, профессор. – Томас вытащил свою кипу бумаг. – Понимаете ли, я исследую потенциальную возможность волновой природы энергии сингулярности, для чего мне пришлось решить теорему Лемарка-

– Вы решили теорему Лемарка? – воскликнул старый учёный. Даже второкурсники остановились, чтобы изумлённо посмотреть на дипломника. – Это очень впечатляющее достижение. Мне весьма интересно посмотреть ваше решение.

– Да, но понимаете, я опасаюсь, что решение основано на том, что в своих условиях я задал энергии сингулярности геометрические свойства, как для волны. И теперь я боюсь, что такое большое допущение не примут на защите.

– Хмм, – Карат почесал в затылке, – непростой академический вопрос. А как принял расчёты ваш куратор?

– Ну, – Томас замялся, стараясь подобрать более цивилизованное выражение, чем «ему плевать», – можно сказать, что он принял их хорошо. Но, профессор, мой куратор – профессор Барлоу.

Карат остановился. Глаза его поднялись от бумаг.

– Барлоу, говорите, – с его лица сошла улыбка, а голос стал серьёзен.

– Именно, – продолжил Томас, чувствуя, что Карат осознаёт всю глубину проблемы, – я боюсь, что он не принимает исследование всерьёз и на защите возникнут проблемы перед настоящими учёными.

На мгновение Карат посмотрел на Томаса, будто не совсем понял его слов.

– На этот счёт я бы не волновался. – На лицо старика вернулась отеческая улыбка. – Профессор Барлоу – уважаемый человек в научном сообществе.

– Серьёзно? – брови Томаса изогнулись под тяжестью скепсиса.

– Пожалуйста, Поплин, будьте уважительнее к вашим преподавателям, – Карат звучал так уязвлено, будто принял ремарки про Барлоу на свой счёт. – Николас Барлоу был одним из первых выпускников академии. Мы, конечно, люди в летах, но у нас куда больше опыта, чем у вас, молодых. Я уверен, он был очень впечатлён вашим решением теоремы Лемарка, это весьма непростое дело, даже для таких, как он.

– Вот уж сомневаюсь. – Томас вздохнул, перелистывая воспоминания. – Он потратил не больше пяти секунд на проверку решения, прежде чем раскритиковать опечатку в слове «когерентный» на следующей странице.

– Тем не менее, хотя использование геометрии в вашем решении безусловно не конвенционально, решение при этом предельно логично. И если профессор Барлоу его принял, то я уверен, что и у приёмной комиссии не будет возражений.

– Даже у Сильверстоуна и Бланша?

– Даже у них, – Карат твёрдо кивнул. – Могу я ещё чем-то вам помочь, мальчики?

– Нет-нет, это всё. – Томас поспешил запихнуть бумаги в сумку. – Не посмеем больше отрывать вас от работы.

– Прекрасно. Учитесь хорошо.

Друзья оставили профессора второкурсникам и отправились обратно через лабиринты этажа, дорогу через который уже успели забыть.

– Слушай, – вдруг прервал сосредоточенную тишину пути Альберт, – а ты раньше слышал, что Барлоу был среди первых выпускников?

– Нет, – Томаса удивил выбор разговора друга, – но он ведь стар. Естественно, он уже давно окончил академию.

– Да, но Карат его на десять лет старше и тоже был в первом выпуске. Если бы Барлоу окончил академию на десятом году её существования, никто бы не мог сказать, что он был среди первых. Получается, Барлоу выпустился очень молодым.

– Может и так, только мне всё равно глубоко плевать. Меня мой выпуск волнует. А заодно найти настоящего преподавателя на магистратуру. Ладно, на какой мы этаж есть пойдём?

– Третий, конечно.

– Ох, туда такая морока добираться.

– Да, но шаурма, которую там делают – пища богов.

– Не спорю, просто терпеть не могу менять элеваторы.

– В этом виноваты архитекторы башни.

– Или те, кто решил расположить столовую с шаурмой на этаже недоступном с центральных шахт.

– Запретный плод всегда слаще, друг мой.

– Шаурма – последнее блюдо, которое должно быть сладким.

– Ну почему ты всегда такой зануда, Томми? Студентам положено быть весёлыми.

– Сложно быть весёлым, когда твой куратор – Барлоу.

Томас был абсолютным чемпионом в нагнетании уныния. Поэтому, на данном этапе Альберту оставалось лишь вздохнуть и молча продолжить путь. А путь провёл их через серию совершенно захламлённых залов обратно к лифтам. И здесь перед друзьями вставала архитектурная проблема. Дело в том, что изначально академия имела всего тридцать этажей. Но по мере того, как технологии сингулярности поднимались всё выше, росли и амбиции храма науки. Спустя тридцать лет, башня была перестроена, с твёрдыми намерениями вознестись над облаками становясь в некотором роде коконом, заключившим в себя старую постройку. Весь этот проект потребовал большую серию перепланировок, в ходе которых ряд этажей оказался попросту забыт. Доступ к ним был возможен только по старым лифтовым шахтам. Одним из таких этажей был тот самый, где юношей ждало заветное восточное блюдо.

Спустя всю мороку со сменой систем передвижения и медленным спуском на древнем заторможенном лифте, они наконец оказались на третьем этаже. Томас был слабо знаком с факультетом, что гнезился тут. Всё что молодому учёному было известно – местный факультет имел какое-то отношение к строительству и был самым непопулярным среди абитуриентов. Они даже не могли похвастаться таким же количеством неиспользуемого инженерного хлама, как факультет цепей, из-за чего путь по этажу был куда свободнее. А вот что на третьем этаже было популярно, так это столовая, где готовили шаурма – блюдо, привезённое в город людьми с песчаных земель востока, наполняющее желудок калейдоскопом пищи, а вкусовые рецепторы – экзотическим танцем специй. Столовая эта была настолько любима студентами, что даже посреди пары в ней было немало народу.

После умопомрачительного обеда, за которым оба юноши взяли себе особенно острую версию лакомства, они развалились на стульях и стали прикидывать планы на оставшийся день.

– Почему бы просто не отправиться... – Томас икнул, – обратно в комнату?

– Ну неееет, – Альберт откинулся на спинке, мечтательно глядя в засаленный потолок, – когда устраиваешь себе выходной, надо оканчивать его на высокой ноте.

– Ну и какие у тебя варианты?

– Хмм, мы могли бы отправиться в город.

– Я, конечно, не из тех, кто боится нарушать границу академии, Ал, но чем, по-твоему, мы там можем заняться?

– Да, пожалуй, делать это вдвоём как-то мелочно. Надо будет захватить Кэрри и Амелию и отправиться всем вместе. Я знаю шикарный паб в шахтёрском квартале.

– Откуда ты можешь вообще знать о каком-то пабе в шахтёрском квартале. Ты же вроде в город перебрался, только когда поступил в академию.

– Не по прежней жизни. Волею моего диплома, мне приходится ездить в шахты для проведения экспериментов. Погли даже выбил мне специальное разрешение. Ну а там, сам понимаешь, встретишь шахтёров, слово за слово, и вот я уже иду с ними после смены в кабак.

Дальше пара кружек крепкого, ещё слово за слово, небольшая потасовка, и вот я уже бегу через весь квартал, пока не приехала полиция.

Томас скривился.

– Нет, к счастью, не знаю.

– Ладно, тогда как насчёт отправиться в сад?

– И чем мы там будем заниматься?

– Не знаю, прогуляемся, встретим ещё кого, поболтаем, может выпьем. Отдохнём.

– Ладно, – Томас вздохнул и поднялся со стула, – по твоим стандартам, это детальный план. Я согласен.

Они покинули ароматное кафе и взяли курс через факультет строительства на старые лифтовые шахты. За сытым желудком всегда приходит сонливость и Томас концентрировался, чтобы не забыть все нужные повороты, как вдруг, Альберт резко вытянул руку и прижал обоих к стене.

– Ты ч-

Не давая другу даже начать, Альберт мгновенно заткнул ему рот ладонью. В глазах юноши стоял неподдельный ужас.

– Тсс, – прошипел он, – там Барлоу!

Томас почувствовал, как вся кровь, прилившая к мозгу, отправилась как можно дальше от его лица. Его бледная физиономия слегка высунулась из-за угла, чтобы подтвердить наличие своей академической Немезиды. Альберт был прав: Барлоу стоял перед дверью, постукивая каблуком.

Как правило, пропуск занятий мало волновал преподавателей. От студента требовалось лишь вовремя защищать все расчёты и лабораторные, а затем сдавать экзамен выше, чем на неуд. Но попадись они Барлоу, их проблемой будет не успеваемость, а сохранение рассудка. Профессор мог устроить им такую ментальную экзекуцию за действующий прогул, что их вмещаемость не дожила бы до диплома.

– Думаешь он нас ищет? – спросил Томас леденящим шёпотом.

– Это бред.

– Бред для нормальных людей, норма – для Барлоу.

– Нет, я думаю он пришёл к какому-нибудь профессору или ещё что такое. Не может же он припереться сюда только из-за нас двоих.

Последние слова Альберт произнёс на одной лишь надежде.

– Надо как-то обойти его.

Тихие, как мыши, юноши попятились прочь от угла и свернули в обходные коридоры. Новый путь был в два раза длиннее, но он стоил каждой затраченной минуты. Перед каждым новым углом они осторожно проводили разведку местности. Время от времени они оглядывались, убедиться, что за ними нет погони. Каждый шорох заставлял их подскочить и наострить уши, на случай если Барлоу пытался обхитрить их сам.

Наконец, они оказались в коридоре, в конце которого маячили шахты лифтов. Короткими перебежками между выпирающих стенок, они добрались до цели и нажали все доступные кнопки вызова. Словно в отместку студентам, лифт двигался долго, заставляя отмерять каждую секунду. И в этот момент до острых ушей мальчишек донеслись шаги. Кто-то двигался по одному из дальних коридоров, и в любой момент этот человек выйдет на прямую видимость холла. Если шаги принадлежали Барлоу – им было не жить.

Спасительный сигнал раздался у них над головами, знаменующий приезд транспорта. Ещё до того, как створки лифта полностью открылись, Томас с Альбертом уже просочились внутрь и припали к стенам, прячась за мизерными выступами. Коридор всё ещё был пуст. Но двери лифта тоже не торопились закрываться, как бы сильно Томас ни вжимался в кнопку

этажа. Альберт высунул глаз в проём, оценить обстановку и тут же отпрянул обратно, вжимаясь ещё сильнее в стенку.

– Это Барлоу! Он реально нас преследует!

– Надо возвращаться на общий этаж.

– Нет, именно этого от нас и ждёт! Надо в сад, он большой и листья уже распустились.

Там мы всегда сможем укрыться.

Двери лифта сомкнулись, пока зловещие шаги звучали ещё далеко в коридоре. Механизм начал неторопливый спуск в ближайшую точку, где шахты подходили к входу Академии – подвальный этаж. Место это было не меньшим лабиринтом, чем кафедра цепей, но эти лабиринты Томас знал как родные, потому что именно здесь располагался личный кабинет Барлоу. Всё, что им надо было сделать – пробраться к лестнице на первый этаж и пересечь там атриум. С напором хомяка в клетке, чувствующего сыр в конце лабиринта, Томас с Альбертом ринулись по сырым тоннелям к лестничному пролёту. Перебиваясь на все четыре конечности, они взметнулись по нему вверх.

Первый этаж. Размером со стадион и покрытый от края до края белым гранитом. Его колоннада разносилась во всех стороны, являя гостям непоколебимые опоры, на которых зиждился храм знаний. Коричневые трещины, покрывающие их, символизировали наследие половины века, что стоит Академия. На колоннах были развешены портреты величайших учёных, что все эти годы развивали науку сингулярности. А по центру, на мраморном постаменте красовался огромный женский бюст. «Элизабет Лломан – мать наук о кристаллах» гласила золочёная надпись, выбитая на постаменте. Вид этого места приводил в восторг гостей, в трепет – абитуриентов, и в скуку – старшекурсников. Но сегодня был особый случай, ведь Томаса и Альберта этот вид привёл в облегчение, в особенности входная дверь. Быстрым шагом, дабы не осквернять лики коллег, и что важнее не привлекать внимание, они пересекли атриум и вдохнули сладкий запах свободы из открытых дверей.

Преодолев порог своего учебного заведения, друзья на всякий случай обернулись и внимательно осмотрели этаж. Барлоу на горизонте не было.

– Фух, – выдохнул Альберт, – точно тебе говорю, он отправился искать нас в нашей комнате. Вот поэтому мой куратор – не он.

– Да-да, ты лучший в избегании Барлоу, – бросил Томас, ступая вперёд по каменной дорожке. – Но он ещё способен нас нагнать, так что лучше уйдём подальше от входа.

Альберт дёрнулся, как от удара молнии.

– Ты прав, – он прибавил шаг, – от него можно всякого ожидать.

И всё же, даже если шансы преследования Барлоу не были равны нулю, друзья отправились в прогулку в размеренном темпе.

Сады Академии покрывали площадь в несколько кварталов. В одних только пределах её ограды можно было бы отстроить небольшой провинциальный городишко, а уж сама башня была целым городом федерального значения по своей вместительности. Но эта площадь была отведена исключительно под парк, в котором студенты могли бы отдыхать. И не отдыхом единым были славны зелёные уголья башни. Хотя изначально Академия изучала энергию, производимую кристаллами, по мере того как росло понимание сингулярности, рос и спектр её применений. Теперь существовал даже ботанический факультет, изучающий влияние сингулярности на растения, чьими лабораториями стали не душные кабинеты, а эти роскошные сады.

В одном уголке даже установили дендрарий, куда привезли ряд тропических растений. Сейчас он, правда, находился на ремонте из-за какого-то экспериментатора, чьи бананы выдавили стёкла и развалили бетонную стену. Говорили, что за эксперимент Академия получила исследовательские гранты с дюжиной стран, сам экспериментатор – путёвку до докторской степени и долг на десяток лет, а его однокурсники – самое большое банановое мороженое на свете.

Все эти густые насаждения нынче служили студентам, которым вечерами, после упорной учёбы, так хотелось пройтись по лунным тропинкам с коллегой противоположного пола, приковывая к себе зависть менее удачливых сокурсников.

Томас с Альбертом взяли курс на так называемую «конкурсную» аллею. Каждый год ботанический факультет проводил там состязания на самое красивое дерево, что позволяла им энергия сингулярности. Традиция, начавшаяся более тридцати лет назад, как спор на бутылку, с годами выросла до целого фестиваля, на который сходились студенты, преподаватели и жители города. На многих деревьях до сих пор виднелись голубые ленточки победителей, ведь за ними ухаживали с особой любовью их творцы.

Томас с Альбертом окончательно убедились в отсутствии очень старого и непредсказуемого хвоста и смогли насладиться атмосферой, рассказывая истории из детства. Альберт вспоминал, как впервые приехал в город из своей горной деревушки и был поражён высотой Академии. Томас вспоминал свою городскую жизнь и как башня всегда была путеводной звездой мальчишек, когда они бегали по ещё пока неизвестным им улицам и переулкам. Конечно, оба слышали истории друг друга уже много раз, но сейчас было самое подходящее время, чтобы вновь их вспомнить. У студентов жизнь либо здесь, либо только впереди. Воспоминаний их пока не хватает на бесконечные истории дружбы, отваги и рискованных приключений, ведь такой опыт для них во многом – сегодняшний день. Вот и ностальгические истории для них пока лишь о беззаботном детстве. Хотя первые дни Академии уже и начали уходить в категорию былых времён.

– Даже не представляю каково это, расти тут, – говорил Альберт, мечтательно глядя в небо. – В моей деревне каждый друг друга знает. Во всей школе наберётся от силы учеников двадцать и все они уже вместе годами играли. В твоей небось были тысячи других мальчишек, и, зная тебя, с большинством из них ты даже не познакомился.

– Ну да. По-твоему, это хуже? Мне бы было не по себе, если бы все вокруг знали меня лично. Когда вокруг больше людей чем ты способен знать – только настоящие отношения чего-то стоят.

– Как наши?

– Да. Вокруг меня могут быть тысячи людей, но я их не знаю, а вот ты среди них – мой друг.

– Лучший друг!

– Именно, лучший друг. Мы можем заниматься полнейшей глупостью и это будет веселее, чем проводить время с целой толпой знакомых, которые меня едва ли волнуют.

Альберт усмехнулся.

– Порой мне кажется, что я начал подцеплять это от тебя. Конечно, в отличие от тебя, я по-прежнему стараюсь познакомиться со всеми подряд, но для меня есть большая разница между тобой и, скажем, Стивом. Выпади ты из башни – я бы незамедлительно прыгнул бы следом.

– Ха, небось только, чтобы поиздеваться надо мной, пока летим до земли.

– Говорю же, всё веселее с друзьями. Даже смерть этому не исключение, – произнёс Альберт и громко рассмеялся.

Томас рассмеялся в ответ, и их хор заставил птиц сорваться с ветвей. Что может быть лучше, чем иметь в жизни такого друга, с которым даже мрачные тона реальности становятся шуткой?

Они размеренно двигались по аллее, шутя над образами, которые продолжала рождать их фантазия, как вдруг Томас заметил силуэт вдалеке. Человек свернул на их аллею. *Это ведь не мог быть он*, думал Томас. Сама идея была просто нереальной. Но силуэт, пускай и очень далёкий, выглядел знакомо. Решая не искушать судьбу, Томас мгновенно бросился в кусты,

таща за собой Альберта. Они зарылись в самую гущу листвы так, что физически невозможно было увидеть их с дорожки, и принялись ждать с затаённым дыханием.

– Это ведь не может быть он? – прошептал Альберт.

– А что если? Он же как ищейка для валяющих дурака студентов.

– Если это реально он, то я согласен отправиться в нашу комнату.

Напряжение ожидания заставляло их сердца колотиться в два раза быстрее. В любой момент человек должен был оказаться в поле зрения. Последний раз Томас был так напуган, когда в средней школе на спор залез в охраняемый сад и убежал от сторожевого пса. С Альбертом, конечно, подобные ситуации в жизни случались куда чаще, чем с его осторожным другом, но и он чувствовал, как его пронизывает леденящий ужас.

Шаги звучали всё ближе. Томас подался вперёд, но Альберт удержал его. Они слышали шуршание, которое могло значить лишь профессорскую мантию. Но ведь профессора тоже часто бывают в парке, особенно с ботанического факультета. И тем не менее знак был недобрым. В ушах Томаса стоял оглушительный грохот собственного сердца.

Наконец, силуэт показался перед чащей, в которой скрывались друзья. Они видели потёртые рукава мантии, лысину, прикрытую тремя прядями волос, и древние, как вселенная, роговые очки, которые так боялись увидеть весь день. Это был Барлоу.

Профессор медленно шёл по аллее с пустующим выражением лица, переводя взгляд между деревьями. Ещё был шанс, что он не заметил двух студентов, что недавно шли по аллее ему навстречу. Но Барлоу никогда не были нужны такие примитивные вещи как зрение, чтобы найти пару прогульчиков. Особенно когда этих прогульчиков звали Томас и Альберт. И тем не менее, пока Барлоу выглядел так, будто он всего лишь гулял. Вдруг профессор остановился, как будто ему в голову пришла какая-то мысль – событие невозможное с точки зрения Томаса. Барлоу медленно повернул голову в сторону кустарника. Он смотрел прямо туда, где прятались друзья. Томас чувствовал на себе его взгляд. Но Томас не дал страху овладеть собой и остался без движения. У Барлоу не было возможности увидеть их. Листва полностью скрывала юношей, оставляя лишь крошечную прореху сквозь серию ветвей, через которую можно было рассматривать аллею. Снаружи эта преграда была непроницаема для человеческого глаза.

Барлоу хмыкнул, отвернулся и продолжил свой неспешный путь в сторону башни. Томас и Альберт начали пятиться очень и очень медленно. Общаясь жестами и двигаясь беззвучно, они пробирались через заросли. Каждый шаг по траве происходил тише, чем она колыбалась от ветра. Каждое отодвигание ветвей было неотличимо от естественного покачивания. Величайшие шпионы мира могли позавидовать их сноровке, потому что на свете не было угрозы страшнее чем быть отчитанным Барлоу. Лишь уйдя от аллеи не менее чем на квартал, они посмели заговорить.

– Что теперь? – спросил Альберт, всё ещё шёпотом.

– Бежим в Академию, поднимаемся на общий этаж и запираемся в своей комнате.

– Дороги или прямо через сад?

– Сад, – твёрдо ответил Томас, – мы не можем предсказать, на каких тропинках он пройдёт.

– Тогда двигаем!

Они бросились со скоростью, ещё недоступной сингулярным движителям. Даже на первых курсах, во время обязательных занятий физкультурой, ни один из них не бегал так быстро. Не глядя никуда кроме своего назначения, они проносились мимо студентов, что ровняли газоны, навлекая множества ругательных выражений себе в спину. Они даже не заметили, как пролетели мимо Амелии и Стива, устроивших себе пикник. Парочка успела лишь проводить сокурсников изумлёнными взглядами.

– Куда они так? – воскликнул ничего не понимающий Стив.

– Хмм, – Амелия задумчиво обернулась в сторону дорожек, – тут ведь недавно Барлоу прогуливался?

Томас с Альбертом добрались до финишной прямой, но между ними и входом академии всё ещё оставалось большое открытое пространство. Врывая ноги в землю, они остановились и спрятались за ближайшими кустами. Осторожная разведка местности показала отсутствие угроз класса Барлоу. Новым рывком они пересекли рискованный ландшафт. Пройдя двери, каждый ретировались за колонны, чтобы оценить обстановку атриума. Горизонт был по-прежнему чист. Двигаясь зигзагом между препятствий, они смогли добраться до лифта незамеченными. По крайней мере люди, замечавшие их, не были профессором Барлоу. Лишь когда створки элеватора закрылись за ними, оба смогли выдохнуть и тут же резко вздохнуть, повторяя эту последовательность очень быстро и часто.

– Боже, – выпалил Альберт, – я никогда ещё... так не бегал... спасая свою жизнь.

– Технически, – вздохнул Томас, – наши жизни... не были... в опасности.

– Ха... ха-ха... ха-ха-ха... И правда... А чего ж... мы тогда... так бежали?

– Потому что... Барлоу... страшнее... смерти!

Не успели друзья даже перевести дыхание, как двери лифта раскрылись, даря им вид родного общежития, полного студентов. Все они с интересом наблюдали за тем, как Томас с Альбертом проползли вдоль стены к себе в комнату, еле держась на ногах. Только внутри оба смогли повалиться на первые попавшиеся поверхности. Выброс адреналина сошёл и юноши остались с очень тяжёлым дыханием и болью почти во всех мышцах тела. Но даже это не могло омрачить их победу.

– А знаешь, что, – произнёс наконец отдышавшийся Альберт, – мы и правда закончили день на сильной ноте.

– Это каким образом? – Томас приподнял бровь – единственную мышцу, которую ещё контролировал.

– Таким, что это был необыкновенный опыт. Когда ты последний раз был так взбудоражен?

– Интересный выбор слов. Я бы скорее использовал «в ужасе.»

– Да, но какой заряд эмоций. Ты бы такой ни за что не получил, сиди мы тут и играй в крестики-нолики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.